ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 01.12.2025 | Анна Шелест

Мир ... под контролем России?!

Нынешний «мирный план» – не об урегулировании, а о страхах Кремля и его стремлении контролировать Украину. Это создает опасный прецедент.

Последние две недели так называемый мирный план из 28 пунктов по урегулированию российско-украинской войны, который появился в СМИ и обсуждался переговорными командами разных государств, приковал к себе максимальное внимание. Но от первого шока и ощущения дежавю, поскольку многие пункты перенесли нас в апрель 2022-го и первые ультиматумы Москвы, а также анализов того, является ли этот план российской спецоперацией или действительно готовился американскими представителями, пришло время посмотреть на долгосрочные последствия самих предложений и детали, которые раскрывают истинные страхи Москвы.

Украинская сторона уже привыкла, что обычно российское желание возобновить переговоры или очередной «мирный» план появляются накануне введения новых ограничительных мер против России, в надежде отложить санкции США. На этот раз 28 пунктов также появились на фоне разговоров о введении Конгрессом новых санкций, а также жестких ограничений против двух крупнейших энергетических компаний «Лукойл» и «Роснефть». И хотя поначалу президент США не был сторонником этого метода давления, постоянные промедления Кремля с перемирием и переговорами по сути добавляли Трампу решимости.

Обычно российское желание возобновить переговоры или очередной «мирный» план появляются накануне введения новых ограничительных мер против России

Но опасения Москвы гораздо глубже. Несмотря на перевод экономики на военные рельсы, стимулирование экономики благодаря инвестициям в военную отрасль и многочисленным социальным выплатам, которые привели к изменению социально-экономического поведения отдельных регионов, экономисты уже определяют начало рецессии, снижение покупательной способности, постепенное падение в металлургическом, банковском и других

секторах. Отсутствие дешевых международных заимствований, иностранных инвестиций и новейших технологий имеет свой неотвратимый, хотя и не моментальный эффект. Поэтому совершенно не удивительно было снова увидеть требования о «реинтеграции России в мировую экономику и снятии санкций», несмотря на все заверения российской стороны, что санкции не работают.

Еще больше удивило требование «возвращения России в G8», влиятельный, но неформальный форум ведущих экономик мира. Москва неоднократно подчеркивала рост важности таких объединений, как БРИКС, в противовес уменьшению практической ценности и экономического веса G7, называя последнюю – бесполезной. Однако G8, как и присутствие в других международных форматах или встречи на высшем уровне, являются для главы Кремля символическими, подтверждающими статус и принадлежность к кругу великих держав. А именно великие державы должны, по его мнению, решать судьбу мирового порядка, при этом на такие страны, как Украина, можно не обращать внимания.

Второй блок «страхов» относится непосредственно к сфере безопасности. Попытки ограничить численность украинских вооруженных сил или типы вооружений и их использование являются определенным подтверждением их эффективности, и показывают, что в случае желания продолжить войну или напасть на европейских партнеров именно Украина и опыт ее вооруженных сил станут важным ресурсом для обороны. Обычно такие ограничения налагаются на страну-агрессора в случае ее проигрыша в войне. Существуют случаи взаимных ограничений конфликтующих сторон в результате компромиссного решения. И вряд ли в истории найдется другой случай одностороннего требования к жертве агрессии сократить свою обороноспособность. Но на это есть ответ, особенно в отношении дальнобойных ракет.

До недавнего времени Украина почти полностью зависела от западных союзников в вопросах дальнобойного оружия. Соответственно, Москве удавалось манипулировать страхами эскалации и обещанием переговоров, чтобы сдерживать Вашингтон и европейских союзников от передачи Украине дальнобойного оружия или от предоставления разрешений на его использование на территории РФ. С активными разработками ракет, в частности «Нептун» и «Фламинго», пришло понимание, что при условии

надлежащего финансирования Украина уже имеет возможности для нанесения ударов вглубь РФ, которые будут совершенствоваться. А с собственными ракетами вряд ли понадобится разрешение от партнеров для выбора цели. Так Москва теряет один из рычагов влияния.

Следующий страх – это страх перед ответственностью за военные преступления, которые российские военные и чиновники совершают во время агрессии и оккупации. Именно поэтому появляется пункт: «Стороны получат полную амнистию за действия во время войны». И хотя большинство российских представителей могут считать, что их вина еще должна быть доказана, а в Европу, где их могут арестовать, они и не слишком стремятся ездить, но не стоит недооценивать психологический эффект. Для России нарративы сравнения текущих событий со Второй мировой – Великой Отечественной войной – являются крайне важными, в первую очередь во внутриполитической коммуникации. Российская риторика фактически рисует картинку, где Украина должна ассоциироваться с осью зла (нацистами), а россияне при этом – освободители и потомки тех, кто победил, сама же война – чуть ли не освободительная. В этот нарратив абсолютно не вписывается факт международного ордера на арест лидера государства – президента Путина и детского омбудсмена Львовой-Беловой. Возможность международного трибунала против «победителей» и «освободителей» также противоречит создаваемому мифу о российско-украинской войне.

Вопросы международного права и долгосрочных последствий, как для других территорий в Европе, так и во многих странах мира, а также возможных претензий РФ к другим странам – членам ЕС почему-то игнорируются

Однако, несмотря на эти страхи, так называемый мирный план изобилует откровенным повторением традиционных требований РФ о признании оккупации украинских территорий, выборах, членстве в НАТО и в целом его расширения, потенциальных разговоров (которые ведутся по крайней мере с 2009 года) о новой архитектуре европейской безопасности и т.д.

Дальнейшие дискуссии, переговоры с американской стороной и даже сокращение «плана» с 28 пунктов до 19 являются лишь частичной победой Украины. Проблема заключается в том, что Россия продолжает контролировать дискурс вокруг причин войны и возможных вариантов решения. Если даже крупнейший украинский

союзник – США – все чаще говорит о том, что Россия может захватить дополнительные территории или что Украина никогда не вернет временно оккупированные территории, то не так важно, будет ли это признано де-юре или де-факто в финальном соглашении. Вместо того чтобы обсуждать, как Украина может вернуть эти территории, какие средства нужны, чтобы Россия не продвигалась вперед, и как Москва должна понести наказание за преступление агрессии – мы допускаем обсуждение вариантов «вознаграждения» в виде ее контроля над оккупированными территориями или права влиять на будущее Североатлантического альянса.

Таким образом можно получить не справедливый мир, а фактическую победу Москвы под соусом «компромисса»

Удивляет, насколько легко некоторые европейские и американские эксперты начали соглашаться, что вопрос территориальных уступок Украины является чем-то базовым и неизбежным. Вопросы международного права и долгосрочных последствий, как для других территорий в Европе, так и во многих странах мира, а также возможных претензий РФ к другим странам – членам ЕС почему-то игнорируются. Также и требования отказаться от справедливого наказания агрессора, в том числе и за военные преступления, или контроль над атомной станцией являются опасными прецедентами для других регионов мира, которые пытаются нормализовать.

Схема российских требований фактически остается неизменной в течение последних трех лет. Важно понимать, что независимо от ситуации на поле боя ее требования к мирному урегулированию будут только увеличиваться, а иногда становиться абсурдными, потому что это открывает возможности для торговли. В таких условиях высок риск, что международное сообщество сосредоточится на реагировании на второстепенные требования, а РФ будет соглашаться на «компромисс» – отказ от них ради сохранения своих основных пунктов. Таким образом можно получить не справедливый мир, а фактическую победу Москвы под соусом «компромисса».

По этой ссылке статья откроется без VPN

Анна Шелест

Киев

Анна Шелест (Hanna Shelest) – к.полит.н., директор программ безопасности Совета по внешней политики «Украинская призма», главный редактор UA: Ukraine Analytica.